

УДК 94(47).084

Л. Н. Величко

РОЛЬ ПОЛЬСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В АКТУАЛИЗАЦИИ ИДЕИ «КАВКАЗСКОГО ДОМА» В СРЕДЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИММИГРАЦИИ В 20-е гг. XX ВЕКА¹

В статье рассматривается исторический контекст формирования стратегии построения единого кавказского государства в среде национальной иммиграции и определяется роль польского государства в этом процессе в 20-е гг. XX в. Поднимаемая автором проблема участия польских дипломатических и военных представителей в этом процессе актуализируется возрождением идеи «Кавказского дома» и проблем интеграции государств Южного Кавказа.

Как и на современном этапе, так и в 1920-е гг. «польский фактор» играл значительную роль в формировании идеологического фона процесса интеграции кавказских народов в единое политическое пространство. Преследуя собственные геостратегические цели, польское руководство активно продвигало план создания вокруг Советской России «пояса» государств, зависимых от Польши и поддерживало идеи формирования

федеративных объединений. Это нашло широкий отклик среди эмигрантских кругов, в том числе представителей Грузии, Армении, Азербайджана и горских народов Северного Кавказа. Автор статьи подчёркивает ключевую роль польских посредников в создании Комитета независимости Кавказа, сформированного не по партийному, а по национальному принципу именно под их давлением, что позволило этому объединению иметь статус общекавказского. Кроме того, благодаря усердию польских дипломатов Р. Кнолля, Т. Говурко и Т. Шетцеля стало возможным создание журнала «Прометей», ставшего не только официальным печатным органом Комитета, но и давшего начала такому общественно-политическому движению как «прометеизм».

Ключевые слова: «прометеизм», Объединённый комитет кавказских народов, Комитет независимости Кавказа.

L. N. Velichko

THE ROLE OF THE POLISH POLITICAL ELITE IN UPDATING THE IDEA OF THE «CAUCASIAN HOUSE» IN THE ENVIRONMENT OF NATIONAL IMMIGRATION IN THE 1920s

The article examines the historical context of forming the strategy to building a unified Caucasian state in the context of national emigration and defines the role of the Polish state in this process in the 1920s. The problem of participation of Polish diplomatic and military representatives in the process is actualized by the revival of the idea of the “Caucasian House” and the problems of integration of the states of the South Caucasus.

Both at present and in the 1920s the “Polish factor” played a significant role in shaping the ideological background of the process of integrating the Caucasian peoples in a single political space. Pursuing its own geostrategic goals, the Polish leadership actively promoted the plan to create a “belt” of states around the Soviet Russia that were dependent on Poland and supported the idea of forming federative associations. The idea was widely enjoyed by

emigrant circles, including representatives of Georgia, Armenia, Azerbaijan and the mountain peoples of the North Caucasus. The author stresses the key role of the Polish mediators in the establishment of the Caucasus Independence Committee that was based not on the party but on the national principle precisely under their pressure, which allowed this association to have the status of a common Caucasian one. In addition, thanks to the diligence of Polish diplomats R. Knoll, T. Govurko and T. Shetzel, it became possible to found the magazine Prometheus, which became not only the official publication of the Committee, but also launched such a social and political movement as “Prometheism”.

Key words: “Prometheism”, the United Committee of Caucasian Peoples, the Committee for the Independence of the Caucasus.

¹ Статья выполнена в рамках проекта «Большой Кавказ в контексте внешней политики России (1917–1922 гг.)», подержанного РФФИ (18-09-00444).

Идеи автономизации и федерализации национальных окраин Российской империи стали звучать из уст национальных политических элит уже в начале XX в. Так Арчил Джорджадзе, лидер грузинских социалистов-федералистов, полагал, что «национальный вопрос» возможно решить путём автономизации и федерализации. «На первом этапе в рамках федерализма объединятся народы Закавказья, как наиболее близкие и связанные друг с другом. Затем постепенно рамки федеративного организма расширяться и в него будут включены народы всего Кавказа». Несмотря на то, что на первоначальном этапе подобное федеративное объединение должно было являться частью России, в будущем планировалось создать самостоятельное государственное объединение «закавказских и северокавказских народов» [6, с. 93–94]. Подобные идеи содержались и в программных требованиях армянской революционной партии «Дашнакцутюн» [6, с. 167–169].

Смена власти в октябре 1917 г. повлекла за собой создание Закавказской Демократической Федеративной Республики в апреле 1918 г., распавшуюся через месяц не без вмешательства Турции на три самостоятельных государства: Грузинскую Демократическую Республику, Азербайджанскую Демократическую Республику и Республику Армения. Одновременно с этим, по другую сторону Кавказского хребта была образована независимая Горская Республика (1918–1920 гг.) так же искавшая поддержки у Турции и Германии.

Однако, несмотря на большое стратегическое значение этого региона и условия Гражданской войны в России, иностранные державы не стремились к активной поддержке идеи интеграции Кавказа, придерживаясь собственных коммерческих и политических интересов, соперничая между собой за лидерство в этом регионе.

Между тем, частая апелляция политической элиты национальных объединений к представителям крупных зарубежных государств и поиск в их лице дипломатической и военной поддержки, даёт основание говорить о том, что возможность создания интеграционных объединений на Кавказе тесным образом была связана с одной стороны с политическими позициями России, с другой стороны, прямой или косвенной заинтересованностью в этом регионе крупных внешнеполитических игроков таких как Османская империя, а затем Турция, Германия, Великобритания и США. О той роли, которую сами представители кавказских эми-

грантских политических кругов отводили позиции глав США, Великобритании и Франции в вопросе объединения Кавказа, можно судить по речам А. М. Топчибаши, председателя парламента Азербайджанской республики, представлявшей её в Париже [10, с. 219–225].

Однако противоречия между самими кавказскими государствами, [10, с.232] проявившиеся уже на Парижской конференции, заставили президента США В. Вильсона заявить, что: «Конфедерация могла бы находиться под покровительством какой-нибудь державы, по поручению Лига Наций» [8, с. 22]. Между тем, из уст представителей кавказских правительств звучали призывы действовать самостоятельно без ожиданий поддержки от иностранных держав. Глава Первой Армянской республики А. Агаронян сделал попытку заявить о самостоятельном объединении кавказских территорий на совещании представителей Кавказских Республик 15 мая 1921 г. в Париже: «При совершении объединения и заключении союза нужно избегать, чтобы не повторились те ошибки, что и при Закавказском сейме. Тяготение народов тогда было разное. Армяне тянули к Антанте, Азербайджан к туркам, Грузия не определила своей ориентации [...]. Мы не хотим ни в чьих интересах быть ни буфером, ни мячом, ничем другим. Мы руководимся единственно тем, что отделились от России, мы можем устроиться и получить устойчивость в дальнейшем, лишь объединившись» [11, с. 40–41].

Западные дипломаты не рассматривали государства Кавказа как самостоятельную политическую силу, поскольку на протяжении 1919–1921 гг. они не пришли к единому мнению по ряду ключевых вопросов и прежде всего территориальных, что не могло сделать их поддержку в борьбе с большевиками за независимость эффективной. Особенно остро противоречия проявились на конференции в Сан-Ремо (19–26 апреля 1920 г.), в ходе которой делегации Грузии и Армении не смогли разрешить территориальный спор по Батумской области. Севрский договор (10 августа 1920 г.), который так и не воплотился в конкретных решениях, окончательно показал нежелание государств Антанты активно вмешиваться в решение противоречий на Кавказе и содействовать идеям интеграции [7]. С укреплением позиции большевиков и активной советизации Кавказа интеграционные процессы приняли «управляемый» характер и контролировались Москвой. Так в составе РСФСР с 1921 по 1924 гг. находилась Горская Автономная Советской Социалистическая Республика, а в 1922 году создаётся Закавказская

Советская Федеративная Социалистическая Республика (ЗСФСР), в состав которой вошли уже советские республики – Азербайджан, Грузия и Армения. Целью организации подобных интеграционных объединений было создание советским правительством эффективной модели управления «ситуацией турбулентности», сложившейся в регионе в 1920-е гг.

Сложная социально-экономическая и политическая ситуация в Советской России оставляла эмигрантам надежду на возможный провал большевистского режима, поэтому, идеи интеграции Кавказа «без большевиков» стали активно обсуждаться в среде кавказской иммиграции, сосредоточенной в Варшаве и Париже, что находило поддержку среди руководства молодой Польской республики, получившей самостоятельность в результате распада Российской империи и стремящейся занять ключевую роль в изменившемся геополитическом пространстве Европы.

Внешнюю политику Польской республики в межвоенный период следует соотносить с двумя геополитическими доктринами: идеями «Междуморья» и «прометеизма», окончательное оформление которых польская историография связывает с именем Ю. Пилсудского. Единомышленник Пилсудского Юлиан Стахевич, полагал, что целью создания независимых государств на Востоке может стать не только слом силы России, но и укрепление мощи Польского государства, которое должно взять на себя миссию организатора освободительного движения. Для самого же Ю. Пилсудского появление независимых государств, находящихся под влиянием Польши, означало геополитическую победу над Россией, возможное абсолютное лидерство Варшавы [1, с. 318–414].

Если доктрина «Междуморья» представляла собой идею создания конфедерации государств от Балтийского до Чёрного моря, некую буферную зону между Советской Россией и Польской республикой, то идея «прометеизма» несла в себе зерно мессианства, согласно которому Польше отводилась роль государства-борца с «имперскими амбициями Советской России». Доктрина «прометеизма» затрагивала всю территорию РСФСР/СССР и предполагала расчленение Союза на национальные образования, уничтожение возможности возрождения государства в границах Российской империи [14]. Воплощением в жизнь этих геополитических идей явилась советско-польская война 1919–1921 гг., окончившаяся Рижским миром, дававшим возможность в дальнейшем продвигать «прометеевскую»

стратегию на различных уровнях, в том числе используя ресурсы иммиграции из национальных центров России.

Программа «прометеизма» определяла Польшу координатором в вопросах организации национальной иммиграции, её финансирования и информационной поддержки, в свою очередь эмигрантам отводилась роль детонатора оппозиционно настроенных кругов, прежде всего в Белоруссии, на Украине, в Крыму и на Кавказе. Хотя польские власти напрямую не участвовали в организации работы с кавказской эмиграцией до 1924 г., ими велся активный мониторинг ситуации на Кавказе и в среде национальной иммиграции в Турции через военного атташе в Константинополе Леона Бабицкого, отправлявшего подробные отчёты о настроениях эмигрантов и ситуации на подконтрольной большевикам территории [15]. Начало активной деятельности в отношении кавказской иммиграции со стороны военного и дипломатического представительств Польши начинается после подписания польско-турецких соглашений 23 июля 1923 г., смены польского дипломатического руководства в июле 1924 г. и неудачной попытки мятежа оппозиционных сил Грузии в августе – сентябре 1924 г. Занявший пост министра иностранных дел Польши в январе 1924 г. Маврикий Замойский, полагал, что влияние Советской России на Востоке следует ограничить, организовав «антисоветский фронт», а его приемник Александр Скшинский начал воплощать этот план уже летом 1924 г. Польские политические деятели полагали, что только объединённые силы кавказской иммиграции могут быть полезными, поскольку они должны подготовить почву для создания единого государства в случае отторжения Кавказа от Советской России.

Объединение иммиграции по замыслу польских военных и дипломатических представителей должно было идти по двум направлениям. Первое – западное, фактическим центром которого стал Париж. Здесь проходила Парижская конференция, и располагались уполномоченные прежними кавказскими правительствами делегации, пытавшиеся отстаивать право на независимость своих государств, и строивших планы по объединению Кавказа в конфедерацию. Но, подписав 27 сентября 1924 г. в Париже Декларацию о создании объединённого кавказского государства, представители кавказских эмигрантских элит не смогли преодолеть политических разногласий и территориальных претензий, исходивших, прежде всего, со стороны Армении, которая вышла из договора [12, с. 49–54].

Тем не менее, уже в ноябре 1924 г., с целью координации дипломатической работы за рубежом и руководства национально-освободительным движением в целом, в Париже формируется Кавказский комитет, который наметил контуры будущей Конфедерации, а основную свою задачу видел в подготовке и руководстве народами Кавказа в борьбе за независимость. Поляки решили использовать настроения национальной иммиграции, начавшей выработку общих принципов интеграции и борьбы за создание единого, независимого государства на Кавказе [4].

Второе направление – восточное, с центром в Константинополе, на которое польское правительство возлагало большие надежды, поскольку сюда прибывали беженцы из «оккупированных Советами районов» и наиболее остро ощущались последствия репрессивной политики советского правительства. Кроме того, географическая близость к Кавказу делала возможным сохранение контактов с оставшимися на родине соратниками и близкими, что не могло не интересовать польскую военную разведку, активно действующую в этом регионе.

Первым посланником Польши в Турции был назначен Роман Кнолль, которому было среди прочего, поручено организовать каналы влияния Турции на мусульманские народы, проживающие на юге и юго-востоке СССР и создать политический союз кавказских эмигрантов. В инструкциях Замойского, адресованных Кноллю указывалось так же, что народы Кавказа должны видеть в Польше покровителя их устремлений к независимости [13].

Кнолль активно поддерживал инициативы создания Кавказского Союза государства в иммиграции и в докладе, адресованном Министерству иностранных дел, утверждалось, что «идеи создания сильной конфедерации народов Кавказа выходят на первый план». Однако его беспокойство вызывало отсутствие политической консолидации в среде кавказских эмигрантов. Он с настороженностью относился к инициативам грузинских социал-демократов и возлагал на них ответственность за неудавшееся в 1924 г. выступление в Грузии, при этом отмечая, что и другие политические объединения виновны в том, что преследовали узконациональные цели и не задействовали силы других кавказских народов. В этой связи польский посол полагал, что необходимо создать «Союз освобождения Кавказа», в который войдут представители ключевых кавказских партий, таких как азербайджанские партии «Иттихад» («Итагат») и «Мусават», грузинские

социал-демократы и представители горских народов Северного Кавказа, объединившиеся вокруг внука имама Шамиля Сеид-бека.

Особую роль в «Союзе» следовало отвести «узкой организации», которая действовала бы в тесной связи с польским военным атташе и турецким штабом, располагая отдельным каналом связи с военными атташе в Москве и Тегеране. Основными установками «Союза» должны стать создание федерации всего Кавказа, союз с Турцией и Персией, ориентация на покровительство Польши. На «Союз» возлагалась миссия «заняться территорией Терекком, Доном и Кубанью, вплоть до Царицына. Эти земли, вследствие смешанного населения Кубани, не следует рассматривать как органически связанные с Кавказом, но они составляют его естественное продолжение и поэтому, а также по ряду других соображений, понятных, если посмотреть на карту, они должны быть вклинены в сферу всей проводимой работы, как важное предполье», писал из Анкары министру иностранных дел Польши А. Скшинскому Роман Кнолль в июне 1925 г. [2, с. 402–404].

В этой связи кавказских эмигрантов рассматривали, прежде всего, как инструмент антисоветской польской политики, а рычагом давления на неё, по мнению Кнолля, должно стать адресное финансирование. В результате, весной-летом 1925 г. в Стамбуле был организован Объединённый комитет кавказских народов (Объединённый комитет конфедератов/ Константинопольский комитет конфедератов), который должен был работать в тесной связи с созданным осенью 1924 г. в Париже Комитетом освобождения Кавказа.

Но уже в обращениях этих комитетов, присланных друг другу, наметился ряд непреодолимых препятствий для проведения конструктивной работы. Во-первых, обе организации не имели собственных источников финансирования и завесили от «некой дружественной державы», под которой подразумевалась Польша. Насколько серьёзным была роль «польских» денег можно судить по переписке представителей азербайджанской части Парижского комитета М. Э. Расулзаде, одного из лидеров «Мусават», и А. М. Топчибаши, оставшегося в статусе представителя Азербайджанской демократической республики в иммиграции. Во-вторых, пытаясь скоординировать свои действия, оба комитета не могли преодолеть внутривнутриполитических разногласий. Объединение конфедератов, по мнению руководителей Комитета освобождения Кавказа Н. Рамишвили, Г. Баммата и Д. Гаджибейли «страдало од-

ним недостатком: за исключением Северного Кавказа, все другие республики, и Азербайджан, и Грузия, в нем были представлены «однобоко» [9, с. 110–111].

В-третьих, в Парижском комитете и в Комитете конфедератов не были представлены политические силы Армении, не входившие после 1921 г. в какие-либо коалиционные объединения с другими представителями кавказских народов в связи с напряжённостью турецко-армянских отношений. В-четвёртых, попытки Парижского комитета разграничить функции, взяв на себя дипломатическую миссию, встречали непонимание у Конфедератов Кавказа, считавших, что итогом их создания должна стать единая организация с схожим функционалом двух отделений – Парижского и Константинопольского, целью которых должно было стать освобождение Кавказа.

Несмотря на серьёзные разногласия внутри кавказской иммиграции, польские власти не отказались от попытки создать единую организацию, способную под их руководством осуществлять антисоветскую деятельность. 15 июля 1926 был создан Комитет Независимости Кавказа: секретная организация, целью которой было создание подпольных антисоветских ячеек на территории Кавказа и борьба за независимость кавказских народов, с последующим образованием конфедерации кавказских республик. Заслугу в создании этой организации следует признать за начальником Второго отдела Генерального Штаба Войска Польского, военного атташе в Турции Тадеушем Шетцелем и посланником МИД Польши в Париже и Константинополе Тадеушем Голувко. В своём отчёте о поездке в Константинополь в июле 1926 года он подробно описывал обстановку в «Конфедерации», отмечая, что она «прозябала» с одной стороны, по причине отсутствия финансирования польским правительством, с другой стороны, в связи с тем, что представляла собой не союз партий и течений, а объединение личностей, с разной степенью порядочности и политической зрелости. Голувко с сожалением отмечал, что ставка на грузинских национал-демократов не оправдалась, «горская часть» во главе с Кантимировым «занималась торговлей с большевиками». Польские представители делали ставку на лидера азербайджанской иммиграции Хосров-бека Султанова, создавшего «Национал-демократическую партию Азербайджана», ставшую опорой Конфедерации в Стамбуле, и активно использовали горскую группу во главе с внуком имама Шамиля Саид-беем, который считал полков-

ника Шетцеля «своим другом и опекуном» [3, с. 32–38]. «Комитет независимости Кавказа» стал представлять различные силы, стоящие на позиции политико-пропагандистской деятельности, а польское правительство планировало использовать его в качестве козыря, при помощи которого можно вести «игру со старыми и сильными партиями Кавказа и которым можно продолжать пользоваться, если они начнут вести неприятную для Польши политику». Убеждённости в целесообразности поддержки польским правительством подобной организации, высказанное Т. Голувко предложение, должно было быть подкреплено постоянной финансовой поддержкой, поскольку «если Комитет действительно начнет работать, её нужно было бы с нового года удвоить, ибо тогда сама логика вещей приведет к развитию деятельности среди российских мусульман в Туркестане, в Крыму и на Волге».

Эти далеко идущие планы заставляли польских деятелей активнее включаться в процесс объединения эмигрантов особенно в Турции, поскольку она рассматривалась ими как плацдарм для «расшатывания Советской России». Отсюда информация шла в оба направления: на эмигрантскую сторону и проникала через советскую границу. В этой связи польские военные и дипломатические представители делали ставку на развитие печатных органов, прежде всего, газету «Новый Кавказ», редактором которой был лидер партии «Мусават» А. М. Русаладзе. Часть требуемых для «Комитета» средств Голувко предлагал направить на поддержку именно этой газеты, поскольку «деньги лично свяжут Русаладзе с Польшей, а он является человеком наиболее влиятельным среди кавказцев в Турции» [3, с. 37].

Создание Комитета независимости Кавказа, ставшего по сути партийным и общественным центром кавказской иммиграции, требовало определение субординации КНК относительно диппредставительств кавказских республик в Париже. Миссия по организации совместной работы кавказских представительств под началом КНК была возложена на Т. Голувко, которому пришлось озвучить планы польского правительства по активизации антибольшевистской деятельности «Комитета». Однако заявление польского представителя было воспринято парижскими лидерами кавказской иммиграции неоднозначно. А. М. Топчибаши оказался активным противником вмешательства «дружественной державы» в организацию объединения кавказских антибольшевистских сил. Но взятые на себя польским правительством фи-

нансовые обязательства несколько смягчили настроения [9, с. 134].

Усилия польских дипломатов натолкнулись ещё на одно препятствие. В декабре 1925 г. Москва и Анкара заключили договор о дружбе и нейтралитете, что делало затруднительным издание в Константинополе антисоветской газеты или журнала, который должен был стать официальным печатным органом Комитета независимости Кавказа. Это обстоятельство вынудило комитетчиков принять решение о переносе издания в Париж, где официально функционировало грузинское дипломатическое представительство, и председатель КНК Н. Рамишвили мог чувствовать себя уверенно. Первый номер журнала «Прометей», официального печатного органа КНК, вышел в ноябре 1926 г., а окончательный регламент издания был принят в 1927 г. «Прометей» стал «органом, проводившим популяризацию идеи независимой Кавказской Конфедерации», одновременно защищал «идеи солидарности всех поработанных российским империализмом народов, стремящихся к государственной независимости» и дал начало «прометейского движения», получившего развитие не только среди кавказских эмигрантов, но так же в среде представителей Украины, Туркестана, крымских и приволжских татар, а также части донских, кубанских и терских казаков. По сути, оно переросло в общественное движение национальной иммиграции из Российской империи и являлось противопо-

ложным по своим программным требованиям «Белому движению», выступавшему за единую и неделимую Россию.

Таким образом, роль польских представителей в консолидации кавказской иммиграции вокруг идеи создания единого кавказского государства является ключевой. Активно пропагандируя идеи федерализма среди представителей национальной иммиграции, польские политические деятели реализовывали собственные внешнеполитические цели по недопущению возрождения границ Российской империи, пусть и в пределах СССР, который так же, как и его предшественница, рассматривался главным геополитическим врагом. В свою очередь, для кавказской иммиграции польская поддержка стала цементирующим началом, позволившим построить политическую концепцию единого кавказского государства. Являясь посредником в урегулировании политических и национальных споров, оказывая финансовое и информационное содействие кавказскому движению, польские дипломаты подчёркивали, что поддержка со стороны их государства носила политический характер, не была связана с экономическими интересами, которые всегда были первичны в отношении Кавказа со стороны представителей Германии, Франции и Великобритании и направлена на поддержку создания дружественного Польше государства – Конфедерации Кавказа.

Источники и литература

1. Былинин В. К., Зданович А. А., Коротаев В. И. Организация «Прометей» и «прометейское» движение в планах польской разведки по развалу России — СССР // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 3. М.: Кучково поле, 2007. 439 с.
2. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. IV: Апрель 1921 г. – май 1926 г. / АН СССР, Ин-т славяноведения, Сектор истории пол.-сов. отношений; Редкол.: И. А. Хренов, Н. Гонсеровская-Грабовская и др.: Изд-во АН СССР, 1966. 559 с.
3. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. V: май 1926 г. – декабрь 1932 г. / АН СССР, Ин-т славяноведения, Сектор истории пол.-сов. отношений; Редкол.: И. А. Хренов, Н. Гонсеровская-Грабовская и др. М.: Изд-во АН СССР, 1967. 612 с.
4. Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей»: сб. документов / сост., пред., пер., прим. Г. Г. Мамулия. М.: Социально-политическая мысль, 2012. 240 с.
5. Мамулия Г. Г. Как самурай стал союзником Прометей: японо-кавказская смычка в годы Русско-японской войны // Исторический вестник. 2012. № 149. Т.2. С. 90–135.
6. Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. – 1917 г.): сб. документов / сост. В. М. Фомин; ред. В. С. Коновалов. М.: ИНИОН, 1996. 195 с.
7. Севрский договор URL: <http://genocide.ru/lib/treaties/14.htm>. (Дата обращения: 6.08.2018).
8. Топчибашев А. М. Письма из Парижа. Баку: Азернешр, 1998. 112 с.
9. Топчибаши А. М. и Расулзаде М. Э.: Переписка. 1923–1926 гг. / сост., предисл. и прим. С.М. Исхаков. М.: Социально-политическая мысль, 2012. 148 с.
10. Топчибаши А. М. Парижский архив 1919–1940. В 4-х кн. Кн. 1. / сост. Г. Мамулия и Р. Абуталыбов. Введ., пер., прим. Г. Мамулия. Науч. ред. И. Агакишиев. М.: Худож. лит., 2016. 568 с.
11. Топчибаши А. М. Парижский архив 1919–1940. В 4-х кн. Кн. 2. / сост. Г. Мамулия и Р. Абуталыбов. Введ., пер., прим. Г. Мамулия. Науч. ред. И. Агакишиев. М.: Худож. лит., 2016. 576 с.
12. Топчибаши А. М. Парижский архив 1919–1940. В 4-х кн. Кн. 3. / сост., Г. Мамулия и Р. Абуталыбов. Введ., пер., прим. Г. Мамулия. Науч. ред. И. Агакишиев. М.: Худож. лит., 2017. 720 с.

13. Bartoszewicz H., Misja Romana Knolla w Ankarze 1924–1925 // *Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej*. 2001. T. 36 URL: <http://rcin.org.pl/dlibra/docmetadata?id=44262&from=publication> (Дата обращения: 6.08.2018).
14. Grzechnik M. Intermarium: The Baltic and the Black Seas on the Polish mental maps in the interwar period URL: <https://www.researchgate.net/publication/273773107> (Дата обращения: 6.08.2018).
15. II Rzeczpospolita wobec ruchu prometejskiego / [red. nauk., wstęp, wybór i oprac. Paweł Libera]. Warszawa: Centr. archiwum wojskowe im. mjr. Bolesława Waligóry, 2013. 575 s.

References

1. Bylinin V. K., Zdanovich A. A., Korotaev V. I. Organizacja «Prometej» i «prometejskie» dzwizhenie v planah pol'skoj razvedki po razvalu Rossii – SSSR (*“Prometheus” and “Prometheus” movement in the plans of Polish intelligence on the collapse of Russia – USSR*) // *Trudy Obshhestva izuchenija istorii otechestvennyh specsluzhb*. Vol. 3. Moscow: Kuchkovo pole, 2007. 439 p. (In Russian).
2. Dokumenty i materialy po istorii sovětsko-pol'skih otnoshenij (*Documents and materials on the history of Soviet-Polish relations*). Vol. V: maj 1926 g. – dekabr' 1932 Moscow: SA USSR publ., 1967. 612 p. (In Russian).
3. Dokumenty i materialy po istorii sovětsko-pol'skih otnoshenij (*Documents and materials on the history of Soviet-Polish relations*). Vol. IV: Aprel' 1921 g. – maj 1926 g. Moscow: SA USSR publ., 1966. 559 p. (In Russian).
4. Kavkazskaja Konfederacija v oficial'nyh deklaracijah, tajnoj perepiske i sekretnyh dokumentah dzvizhenija «Prometej» (*The Caucasian Confederation in official declarations, secret correspondence and secret documents of the “Prometheus” movement*) / ed. by G.G. Mamulia. Moscow: Social'no-politicheskaja mysl', 2012. 240 p. (In Russian).
5. Mamulia G. Kak samuraj stal sojuznikom Prometeja: japonsko-kavkazskaja smychka v gody Russko-japonskoj vojny (*How a samurai became an ally of Prometheus: a Japanese-Caucasian bow in the years of the Russian-Japanese War*) // *Istoricheskij vestnik*. 2012. No.149. Vol. 2. P. 90–135. (In Russian).
6. Programmnye dokumenty nacional'nyh politicheskich partij i organizacij Rossii (konec XIX v. – 1917 g.) (*Program documents of national political parties and organizations of Russia (end of XIX century – 1917)*): sb. dokumentov / composed by V.M. Fomin ; ed. by V.S. Kononov. Moscow: INION publ., 1996. 195 p. (In Russian).
7. Sevrskij dogovor (*Treaty of Sevres*). URL: <http://genocide.ru/lib/treaties/14.htm>. (Accessed: 6.08.2018).
8. Topchibashev A. M. Pis'ma iz Parizha (*Letters from Paris*). Baku: Azerneshr, 1998. 112 p. (In Russian).
9. Topchibashi A. M. i Rasulzade M. Je. Perepiska. 1923–1926 gg. (*Topchibashi A.M. and Rasulzade M.Zh. Correspondence. 1923–1926*). Moscow: Socialno-politicheskaja mysl', 2012. 148 p. (In Russian).
10. Topchibashi A. M. Parizhskij arhiv 1919–1940 (*The Paris archive of 1919–1940*). In 4 book. Book 1. / composed by G. Mamulia and R. Abutalybov. Moscow: Hudozh. lit., 2016. 568 p. (In Russian).
11. Topchibashi A. M. Parizhskij arhiv 1919–1940 (*The Paris archive of 1919–1940*). In 4 Book. Book 2. / composed by G. Mamulia and R. Abutalybov. Moscow: Hudozh. lit., 2016. 576 p. (In Russian).
12. Topchibashi A.M. Parizhskij arhiv 1919–1940 (*The Paris archive of 1919–1940*). In 4 book. Book 3 / composed by G. Mamulia and R. Abutalybov. Moscow: Hudozh. lit., 2017. 720 p. (In Russian).
13. Bartoszewicz H., Misja Romana Knolla w Ankarze 1924–1925 // *Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej*. 2001. T. 36 URL: <http://rcin.org.pl/dlibra/docmetadata?id=44262&from=publication> (Accessed: 6.08.2018).
14. Grzechnik M. Intermarium: The Baltic and the Black Seas on the Polish mental maps in the interwar period URL: <https://www.researchgate.net/publication/273773107> (Accessed: 6.08.2018).
15. II Rzeczpospolita wobec ruchu prometejskiego / [red. nauk., wstęp, wybór i oprac. Paweł Libera]. Warszawa: Centr. archiwum wojskowe im. mjr. Bolesława Waligóry, 2013. 575 s.